

ЕКАТЕРИНА ИЛЬИНСКАЯ

ФОРМУЛА ПОЦЕЛУЯ,
или
ТЕОРИЯ
ЛОЖНЫХ ИСТИННЫХ

Практика по приручению Драконов

Екатерина Ильинская

**Формула поцелуя, или
Теория ложных истинных**

«Автор»

2026

Ильинская Е.

Формула поцелуя, или Теория ложных истинных /
Е. Ильинская — «Автор», 2026 — (Практика по приручению
Драконов)

Планы на неделю: 1. Случайно поступить на факультет к магам-математикам. Сделано! 2. Добиться отчисления с помощью пирожков и милоты. В процессе! 3. Справиться с раздражающе гениальным драконом. Для такого нужен отдельный план! ***Я собиралась печь булочки на кулинарном, но перепутала аудитории и теперь учусь на самом заумном факультете академии! Но ничего, я вернусь к своим любимым круассанам, когда докажу местным занудам, что чувства логике не поддаются!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	19
Глава 7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Ильинская

Формула поцелуя, или Теория ложных истинных

Глава 1

– Я... – На выдохе произнесла я, перепрыгивая через подлую выбоину в камне. Вдох. – Агата Кингсли... – снова на выдохе. Лёгкие горели словно от раскалённого воздуха из отцовской печи. Вдох. – И я... – Вдох. – Вывела... Формулу... Идеального... Круассана...

Приветственную фразу для приёмной комиссии я репетировала прямо на бегу, отчаянно пытаясь не сойти с дистанции. До начала экзамена оставалось ровно десять минут, а я всё ещё была бесконечно далека от нужного корпуса.

А почему? Потому что кое-кто – не будем тыкать пальцем в моего любимого папулю – решил, что закрыть смену в семейной булочной перед самым моим уходом – это отличная идея. Кассовый аппарат заклинило на последнем чеке, и пока я выковыривала застрявшую ленту, драгоценные минуты улетали, как мамины булочки с корицей по утрам.

И вот теперь я неслась по извилистой мощёной дорожке между величественными, заросшими плющом зданиями Академии Восточного Ветра, сжимая в кулаке бумажку с номером корпуса, и молилась всем богам, чтобы факультет Бытовой Магии и Альтернативной Кулинарии оказался за следующим поворотом. Ветер нещадно трепал волосы, юбка путалась в ногах, а время неумолимо истекало.

На полном ходу я влетела в крутой поворот.

Высокая фигура в строгом синем пиджаке возникла передо мной так внезапно, словно соткалась из воздуха. Мы врезались друг в друга с такой силой, что разлетелись в разные стороны.

Копчик обожгло болью, ладони прошили по гравию, словно по крупной тёрке.

– Ай! – Я затрясла раненой рукой, пытаюсь понять, что произошло, и куда делся зажатый в ней лист-допуск.

– Какого... когерентного нуля? – раздался справа сдавленный мужской голос.

Сбитый мной парень стоял на коленях и шарил руками вокруг себя. Его лицо было резким, породистым и, признаться, очень красивым, хоть сейчас и перекосилось от злости. А ещё от него веяло такой сердитой силой, что я невольно сжалась.

Наконец, студент, а судя по нашивке на пиджаке это был старшекурсник, посмотрел на меня. Его зрачки пугающе вытянулись в вертикальные щёлки, а на лице отразился неподдельный, почти священный ужас. Он судорожно схватился за голову, словно та резко разболелась.

– Опять... – прохрипел он, зажмуриваясь с такой силой, что даже побледнел. – Только не это. Заткнись, заткнись, заткнись...

Я нешуточно испугалась, напрочь позабыв про саднящие ладони. Вдруг он головой сильно ударился? Сотрясение? Травма черепа? Может, прямо сейчас помрёт?

Нет-нет! Только не это! Я слишком опаздываю, чтобы вести кого-то в лазарет или прятать труп!

– Эй, ты живой? Извини, я не хотела, я просто страшно опаздываю...

Заметив на траве тонкую металлическую оправу с отливающими перламутром стёклами, я быстро схватила её и протянула парню:

– Вот! Вот твои очки, держи!

Парень вырвал их у меня с такой силой, словно это был спасательный круг, и судорожным движением нацепил на переносицу.

Едва они оказались на месте, незнакомец выдохнул. Вертикальные зрачки исчезли, плечи опустились, а отчаяние сменилось миной отчуждения. Он посмотрел сквозь меня абсолютно пустым, расфокусированным взглядом. То ли потому что хотел показать, что ни во что не ставит, то ли потому, что таково было свойство магических линз. Впрочем, парню явно полегчало, а остальное меня не особенно и заботило.

– Всё в порядке? – на всякий случай уточнила я, поднимаясь на ноги и отряхивая юбку.

Парень тоже встал, скользнул взглядом где-то в районе моего уха, а потом и вовсе устоялся на росший рядом куст.

– Было бы в порядке, если бы некоторые хаотичные элементы не нарушили траекторию моего движения, – ответил он, отточенным жестом поправляя безупречно белый воротничок.

– Иди, куда шла, эмпирическая катастрофа.

– Хам, – фыркнула я.

Времени на полноценную дуэль взглядов не было. Да и как её вести с тем, кто не способен смотреть в одну точку?

Часы на главной башне безжалостно тикали. Я быстро нагнулась, схватила с дорожки листок-пропуск с номером корпуса и припустила дальше, оставляя странного парня позади.

Следующие восемь минут превратились в самый настоящий кошмар. Я металась между тремя одинаковыми корпусами из серого камня, которые казались абсолютными близнецами. Первая дорожка вывела меня к глухой стене, вторая – в тупик, третья – к какому-то раскидистому дубу.

– Да куда подевалась эта Кулинария? – простонала я, напрочь дезориентированная.

Взгляд вдруг выхватил лестницу, ведущую куда-то в подвал одного из зданий. Номер над ней совпадал с номером на листочке! Я радостно вскрикнула и кубарем скатилась вниз, пробежала по коридору до двери с надписью «Экзамен» и остановилась, на секунду замерев.

Воздух здесь был сырым и холодным. И совершенно не пах ванилью, что уже должно было насторожить, но на волне радости и, подгоняемая неумолимым временем, ничего странного я не заметила.

Металл ручки охладил горящую ладонь. Толчок. И дверь распахнулась. В ту же секунду над академией гулко пробили огромные часы на главной башне.

– Бом! Бом! Бом! – разнеслось по коридорам. Шесть вечера. Начало экзамена. – Бом! Бом! Бом!

Я ввалилась в душное, сумрачное помещение без окон, тяжело дыша и стараясь не упасть. Выпрямилась и попыталась придать себе уверенный вид.

За длинным столом, освещённым парой тусклых магических сфер, восседали трое мужчин. Все как один – в строгих синих пиджаках, белоснежных рубашках и с таким выражением лиц, словно им вместо пирожного подали куличик из песка. На груди у каждого поблёскивала вышитая серебряная логарифмическая линейка.

Старичок с кустистыми бровями, сидящий по центру, медленно поднял на меня взгляд и одобрительно кивнул:

– Великолепно. Ровно шесть. Потрясающее умение правильно рассчитывать время и чувствовать хроно-динамические потоки. Запишите ей плюс один балл за трансцендентальную синхронизацию.

Я мысленно выдохнула и согласно закивала. На душе мгновенно потеплело.

«Надо же, какие понимающие профессора! – восторженно подумала я. – Естественно, тайминг в нашем деле – это всё! Опоздаешь на пару минут – и прощай, хрустящая корочка, привет, горелая подошва!»

– Поступающая, подойдите к столу, – строгим тоном скомандовал очень строгий мужчина слева. И посмотрел ещё более строгим, чем тон, взглядом. — Представьтесь и назовите тему вашей практической работы. С чем вы к нам пришли?

Я гордо расправила плечи, подошла ближе, вытащила из сумки свои документы и с размаху положила их на стол, сверху прищёпнув листочком-пропуском.

– Я Агата Кингсли, – звонко объявила я, сияя самой дружелюбной из своих улыбок. – И я вывела формулу идеального круассана!

Старичок поковырял в ухе, словно плохо слышал, взял мои бумаги, мельком глянул на них, а затем задумчиво почесал подбородок:

– Хм... Формула Круссона? – пробормотал он, явно переведя всё на свой заумный лад. – Надо же, какая редкая тема для поступающих. Не то чтобы она была очень сложной в современных реалиях пространственной геометрии, но для начала, пожалуй, сойдёт. Весьма недурственная база по нелинейной дивергенции абсолютной пустоты.

Я удивлённо моргнула. Дивергенция пустоты? Нет, ну пустоты в круассане – это очень важно, тут сомнений нет! Без них круассан – не круассан, а унылая лепёшка. А вот теми другими словами, они, наверное, слоёное тесто называют. Ну и терминология у этих продвинутых поваров!

– Э-э... Если нужно, я могу подробно всё расписать, – робко предложила я, потянувшись к сумке. – Сколько гра...

Профессора дружно замахали на меня руками, а один из них даже безглаголиво поморщился.

– Избавьте нас от этого, дитя моё! – воскликнул старичок, а я, наконец, заметила надпись на стоящей перед ним табличке. Оказывается, экзамен принимал сам декан Бенедикт Бланк! – Мы что, формул Круссона, по-вашему, не видели? К чему нам эта базовая писанина? Здесь оценивают суть!

Я тут же поняла, что сейчас мне придётся круассаны им испечь. И это был мой звёздный час!

– Хватит тратить драгоценное ничто, проходите на практическое испытание! Ваш тест ждёт, – тут же подтвердил второй мужчина, указав на неприметную дверь, за которой, видимо, находилась кухня.

Глава 2

Приободрившись, я решительно зашагала в указанную сторону. Возле двери стояло несколько парней из поступающих. Девушки, видимо, все уже были внутри и что-то усиленно готовили. Обгоняя меня по баллам!

Парни же выглядели, мягко говоря, странно: бледные ботаники в очках судорожно что-то высчитывали на пальцах, бормотали под нос формулы и со страхом смотрели на массивную латунную ручку, на боку которой было выгравировано какое-то зубодробительное уравнение с кучей интегралов и непонятных значков.

«Чего они тупят? – раздражённо подумала я. Задерживаться не хотелось, чтобы не упустить время. – Обычная дверь. Наверное, просто заедает, как духовка у папы».

Не собираясь терять ни секунды, я протиснулась сквозь строй замерших заумников, уверенно протянула руку, схватила за латунную ручку и со всей дури дёрнула её вниз.

Бамс!

Массивная деревянная створка с размаху припечатала меня прямо по лбу.

– Ой! Мамочки! – взвизгнула я, отлетая назад, и второй раз за день отбила копчик.

Лоб обожгло острой болью, а перед глазами заплескали маленькие звёздочки. Я потёрла ушибленное место, чувствуя, как там стремительно растёт приличная шишка, и в сердцах заорала на всю аудиторию:

– Она меня чуть не убила?!

– Да ты что-о-о... – зашипел сзади один из поступающих хилых ботаников, который явно тесто никогда не замешивал и не отбивал, иначе не был бы настолько слабым. А потом он и ещё один такой же подхватили меня под руки, помогая подняться. – Надо решить уравнение на ручке, если правильно решишь, попадёшь в помещение. Иначе... вот... – неловко закончил он, поглядывая на моё новое украшение.

Я ошарашенно захлопала ресницами, переводя взгляд с жалостливого ботаника на проклятую деревянную преграду. Какое ещё, пресвятые дрожжи, уравнение?!

– Что за чушь? – переспросила я, и в моих глазах полыхнул недобрый огонь. – Да её просто заело! Или сломалось что-то в открывающем механизме. Ну и отойти в сторону надо, чтобы ещё раз не приложило.

Я решительно запустила руку в свою бездонную сумку, в которой прятался верный рабочий арсенал. Пальцы нащупали небольшую баночку с ароматным копчёным маслом высшего сорта. Я захватила его на случай, если формула круассана комиссию не устроит. Ну и, если уж честно, не только её захватила. В принципе, при должном желании я могла бы прямо сейчас приготовить обед из трёх блюд на всех собравшихся. Но не хотела!

Скрутив крышку, я уверенно шагнула к сияющей интегралами ручке.

– Э-эй, ты что творишь?! – испуганно зашипел один из парней, хватая меня за плечо. – С ума сошла? Это концептуально невозможно! Суть перехода совершенно в другом, здесь нужно вычислить предел топологической погрешности, а не устранять механическое трение! Высшая магия так не работает!

Я лёгким движением плеча сбросила его слабую руку, зачерпнула пальцами добрую порцию масла и решительно мазнула им прямо по выгравированным светящимся формулам. А потом старательно растёрла по всей поверхности, особенно усердно заталкивая масло в замочную скважину и стыки.

– Послушай меня, заумник, – гордо заявила я. – Ни одна заевшая ручка и ни одна упрямая дверь в этом мире ещё не смогли противостоять великой силе хорошего сливочного масла. А если эту штуку нельзя смазать – значит, её просто-напросто не существует!

В ту же секунду латунная ручка ослепительно засияла. Выгравированные на ней знаки начали вращаться, со свистом насккивать друг на друга, плавиться, сгорать и взаимно уничтожаться.

– Смотрите! – выдохнул парень справа, пятясь к стене. – Формула... она схлопывается под воздействием эмпирического жира!

Через миг от зубодробительного уравнения не осталось и следа. Из буквенного хаоса соткался один-единственный, огромный символ, похожий на перечёркнутый ноль, который полыхнул так ярко, что заставил всех прикрыть глаза руками.

Раздался хрустальный звон. Тяжёлая дубовая дверь вдруг подёрнулась дымкой, потеряла всякую плотность и прямо на наших глазах... растаяла, словно кусок масла на сковородке. На её месте остался лишь пустой проём, затянутый серебристой пеленой.

Позади раздался грохот отодвигаемых стульев. Профессора экзаменационной комиссии в едином порыве повскакали со своих мест. Старичок-декан смотрел на сияющий пустой проём, а затем на мою шишку на лбу с таким религиозным восторгом, словно я только что призвала на землю как минимум Всемиловитую богиню-мать.

– Потрясающе! – Он неистово заплодировал, и к нему тут же присоединись сначала другие профессора, а потом и поступающие. – Какая глубинная, незамутнённая ментальная слепота! Какое тотальное отрицание материальных барьеров! Юноши, смотрите и учитесь!

Я сделала шаг назад, всё ещё сжимая баночку, и обречённо пискнула:

– Я просто хотела её смазать

– Вот она, истинная суть! – Декан ткнул в меня пальцем, потом потолок, потом снова в меня и обратился к застывшим ботаникам. – Те, кто уныло сидят часами и пытаются решить уравнение – обычные ограниченные материалисты! Они признают существование двери и пытаются играть по правилам реальности. Но эта девушка... Она проигнорировала логику! Заявила, что если преграду нельзя подчинить маслу, то её не существует, и своей непоколебимой верой заставила уравнение аннигилировать в нуль! Она стёрла саму концепцию барьера!

В конце фразы старичок смахнул со щеки скупую академическую слезу.

– Добро пожаловать, дитя моё! – Он шлёпнул тяжёлую печать прямо на мои документы, лежащие на столе. – Вы зачислены без дальнейших испытаний! Факультет Трансцендентальной Апористики, Нуменальной Когеренции и Ессенциальной Пустоты гордится тем, что в его ряды вступил столь гениальный абсурдист!

Я перевела взгляд со светящегося от счастья безумного старика на печать, потом на стоящего рядом ботаника, и только затем заметила на стене над входной дверью жирную аббревиатуру Ф.Т.А.Н.К.Е.

«Ой-ой», – тоскливо подумала я, понимая, что шишка на лбу – это наименьшая из моих проблем. – Я всё-таки перепутала корпуса и не поступила на кулинарный. Я только что стала студенткой факультета для конченных заумников. Куда до этого проклятого Хаосом дня не поступала ни одна девчонка!

Глава 3

Ждать окончания экзамена пришлось три часа! За дверьми аудитории что-то гроыхало, полыхало, доносились охи и ахи. Иногда выходили радостные или расстроенные заумники, но на мои вопросы, сколько ещё ждать, отвечали что-то вроде «всё относительно», чем вызывали острое желание пнуть их под тощие задницы.

Меня же из кабинета выставили самой первой с почестями и поощрительным похлопыванием по плечу, не дав объяснить, что всё это большая ошибка.

Но сдаваться так просто я не собиралась! Я собиралась решить эту проблему сегодня же! Попрошу у старичка-декана рекомендацию для одарённой меня и быстренько оформлю перевод на нужный факультет. В конце концов, конкурс на ФТАНКЕ гораздо выше, чем на Бытовой и отказать в месте не должны.

Наконец, дверь распахнулась, выпустив экзаменационную комиссию и последнего унылого паренька, который, очевидно, не сдал. Ох, как бы я хотела поменяться с ним местами! Но для начала оформить перевод.

Я бросилась догонять уходящего декана, который двигался как-то слишком быстро для своих преклонных лет.

– Господин Бланк! – закричала я. – Подождите! Это ошибка! Я повар! Пекарь! Я вообще не туда шла, я перепутала корпуса! Я не умею расщеплять двери, я умею печь чаабатту!

Декан Бенедикт Бланк остановился, медленно обернулся и посмотрел на меня с таким умилением, словно я была редким говорящим щенком.

– Потрясающе. Какое великолепное, чистое отрицание очевидного! – восхищённо пробормотал старик, всплеснув руками. – Вы держите в руках документ с печатью о зачислении и отрицаете сам факт своего существования на моём факультете. Дитя моё, ваша способность игнорировать материальную реальность просто не знает границ! Это же высший балл нумеральной когеренции!

Я открыла было рот, чтобы высказать всё, что думаю о его когеренции, надеясь, что это не какая-нибудь заразная болезнь, но тут из-за поворота коридора показалась знакомая высокая фигура.

Навстречу нам шёл тот самый утренний хам в очках. Только сейчас он выглядел так, будто пережил нападение взбесившейся кухонной нечисти. Безупречный синий пиджак был густо присыпан мукой, на левой щеке красовался жирный мазок шоколадного кули, а магические очки оказались заметно погнуты и сидели на переносице набекрень.

Декан Бланк замер, сурово нахмутив свои брови-кусты и строго произнёс:

– Студент Эммет Грейвс, почему ваша форма в таком беспорядке? И почему, позвольте спросить, вы не явились принимать экзамен?

Парень остановился, тяжело и шумно дыша. Сквозь стёкла очков он бросил на меня такой испепеляющий взгляд, что воздух встал поперёк горла. Даже пришлось откашляться.

– Потому что, мистер Бланк, – процедил этот Эммет сквозь зубы, едва сдерживаясь, чтобы не зарычать, – кое-кто забрал мой листок-допуск. И подсунул свой. В результате, я три часа провёл на факультете Бытовой Магии и Альтернативной Кулинарии! Пытаясь доказать поступающим, что вкуса не существует и это просто логическая ошибка восприятия. А потом меня силой заставляли месить высокоэнтропийную биомассу, которую там называли тестом!

Я не выдержала и засмеялась, получив один пронзительный, а второй одобрителный взгляд. И как бы ни хотела остановиться, но не могла, потому что в моём представлении Грейвс должен был выглядеть ну очень смешно, когда его поставили к тесту. И вообще, это он ещё легко отделался! За отрицание вкуса повара могли бы и сковородками забить.

Декан Бланк лишь понимающе и глубокомысленно кивнул.

– Принимать экзамен на кулинарном? Похвально! Попытка преодолеть иллюзию вкуса через концептуальную апатию – это очень в духе нашей философии. Но пока вы там объедались экзаменационными заданиями, мы с коллегами нашли настоящий бриллиант! Знакомьтесь, наша новая студентка – мисс Агата Кингсли.

Мы с Эмметом с одинаковым возмущением уставились на мистера Бланка и синхронно заорали на весь подвал:

– Я не ваша студентка!

– Она не могла поступить!

– О-о-о, – протянул декан и мечтательно заулыбался. – Ах, молодость... Какая прекрасная, чистая сингулярность. Послушайте этот идеальный резонанс отрицания! Я абсолютно уверен, что вы станете лучшими друзьями.

– Это концептуально невозможно, мистер Бланк! – Эммет сделал шаг вперёд, а его кулаки сжались. – Во-первых, вы прекрасно помните мою... кхм... специфическую проблему. Медицинскую девиацию когнитивного восприятия людей противоположного пола, из-за которой я вообще оказался на вашем факультете! А во-вторых, на Ф.Т.А.Н.К.Е. никогда не было девушек. Это даже в Уставе прописано!

Я нахмурилась. Какая ещё проблема? Какая девиация? Но декан лишь легкомысленно отмахнулся от доводов старшекурсника.

– В Уставе такого не написано. А что касается вашей проблемы... Значит, вам придётся лучше стараться с её решением, студент Грейвс. Кстати, я жду развёрнутую выкладку по теории у себя на столе завтра. Столько лет над ней бьётесь, а всё без толку! Но и лишаться таких талантов, как мисс Кингсли, из-за вашего недостаточного старания, я не намерен. И поскольку сегодня вы пропустили экзамен и не выполнили свои обязанности, будете отрабатывать повинность в другом месте. Назначаю вас куратором адаптации первокурсников. Никаких вам каникул. Завтра утром жду в главной башне факультета. Если, конечно, ночью достаточное количество студентов будет о ней думать, чтобы здание вообще существовало в физическом пространстве.

Эммет побледнел так, что я забеспокоилась, а не грохнется ли он в обморок. Но декан уже повернулся ко мне, так что пришлось думать о своей судьбе, а не о проблемах посторонних парней.

– И вас, мисс Кингсли, это тоже касается. Завтра в семь утра начинается адаптация новеньких. Она занимает от недели до двух месяцев в зависимости от стараний студента. Проявите себя.

Старик лучезарно улыбнулся, пробормотал под нос что-то вроде: «Молодёжь, конечно, занятая субстанция, но слишком уж шумная», – и... просто растаял в воздухе. Не ушёл пешком, не открыл портал, не воспользовался артефактом, а... исчез. Это как вообще? Это что за магия такая?

Я ошарашенно моргнула, а потом резко развернулась к помятому Эммету.

– Эй! погоди! Какая ещё адаптация? – требовательно спросила я. – Учёба же начинается только с сентября! Сейчас июль!

– О, ты даже не представляешь, как сильно удивисься, – злорадно сказал, судя по всему, мой куратор по сомнительной адаптации и развернулся, собираясь уйти.

– Ну уж нет, стой! – наплевав на приличия, я рванулась вперёд и крепко схватила его за руку выше локтя.

Эммет дёрнулся так, словно я его ножом ткнула. Самым большим, для разделки мяса. Мгновенно развернулся, вырвав руку из моего захвата, а его зрачки за стёклами очков пугающе вытянулись в вертикальные щёлки, а на висках появились... чешуйки. И только тут до меня дошло, что он не просто студент, а ещё и дракон, которые славились... да чем только они не

славились, но мне лично ничего хорошего ожидать не приходилось. На лице Грейвса отразилась такая ярость, что показалось, из ноздрей сейчас повалит настоящий дым.

Но обошлось.

– Никогда. Слышишь? Никогда меня не трогай! – прорычал он с таким чувством, что у меня затряслись не только поджилки, но и каждый внутренний орган.

Я испуганно отшатнулась, мгновенно вскидывая руки вверх в жесте полной капитуляции.

– Воу, ладно! Извини! Прости! Я не хотела! – затараторила я, пятась. – Нарушила личные границы, признаю, виновата!

В чём-то я его понимала. Сама не любила, когда в отцовской пекарне суетливые покупатели пытаются хватать меня за руки. Видимо, у парня тоже был на этот счёт пунктик. Но можно, вообще-то, как-то поспокойнее реагировать.

Эммет сделал глубокий вдох, закрыл глаза, а когда открыл, зрачок уже принял нормальный вид, а чешуйки пропали. Выражение лица стало привычно отчуждённым. Нервным движением мой потенциальный сокурсник поправил погнутые очки.

– Так что за адаптация? – уже тише и осторожнее спросила я.

– Завтра увидишь, – буркнул он, снова глядя мне в район уха. – И я искренне, всем сердцем надеюсь, что ты её не пройдёшь и вылетишь из ФТАНКЕ ещё до начала учебного года.

В душе мгновенно разгорелся огонёк надежды. Я даже подалась вперёд.

– Подожди! То есть, можно вылететь? Меня могут отчислить прямо завтра?!

Я хотела расспросить, что именно для этого нужно сделать, какую глупость сморозить, чтобы профессора с позором выставили меня вон, но Эммет, взглянув на моё воодушевлённое лицо, скривился так, словно съел целый лимон без сахара.

– Я больше не способен выносить твоё общество ни секунды, – ледяным тоном произнёс он и стремительно зашагал прочь по подвальному коридору.

– Эй! – крикнула я ему в спину, топнув ногой. – В чём я вообще перед тобой виновата?! Ну перепутала листочки, ну врезалась! Но я, между прочим, от этого тоже пострадала! Мне твой разлюбозный факультет непойми-чего и даром не нужен! Или я тебе чем-то ещё не угодила?

Эммет резко остановился, слегка повернул голову, так что стал виден его аристократический профиль, и сказал так, будто выплюнул смертельный яд:

– Тем, что ты... девушка.

Он на секунду запнулся перед последним словом, словно хотел сказать что-то совсем другое, но сдержался. После чего скрылся за поворотом.

Я осталась стоять в глубочайшей растерянности.

«Ну надо же, – отрешённо подумала я, потирая шишку на лбу. – Меня обвиняли во многом. Папа ругал за подгоревшие булочки, мама – за опоздания, учителя – за недостаточное усердие, соседские мальчишки – за то, что я не давала воровать яблоки из сада. А двое парней из школы, что врезала им по причинным местам, когда они полезли целоваться. Но во имя хрустящей корочки... В том, что я девушка, меня ещё ни разу в жизни не обвиняли!

Глава 4

– Ай! Полегче, – поморщилась я, когда к многострадальному лбу прижали завернутый в полотенце лёд.

– Потерпи, стрекоза, – ласково проворчала мама, удерживая у моей шишки спасительный холод. – Надо было так умудриться в первый же день. Шишка как спелая слива. И ладони все ободраны. Ты точно на экзамен ходила, а не на разборки с плохими мальчишками?

Отец, сидевший напротив за деревянным кухонным столом, задумчиво хмурился, помешивая ложкой остывающий чай. На его плече всё ещё белел след от муки. Папуля долго молчал, изучая взглядом сиреневую печать на моих документах, а потом весомо сказал:

– Что ж, дочка. Образование есть образование. Такой шанс упускать никак нельзя. Академия Восточного Ветра – это тебе не кулинарный кружок под руководством миссис Вормунды. Это статус. Такой шанс не каждому выпадает, и упускать его из-за недоразумения нельзя.

– Папа, да они там все сумасшедшие! – Я попыталась дёрнуться, но удержала меня на месте. – Меня зачислили просто потому, что я разбила лоб о дверь! Какое это образование? Чему они меня научат? Как правильно исчезать из комнаты, когда нужно мыть посуду?

Отец только отмахнулся:

– Если не сможешь сразу перевестись на кулинарный, то послушай моего совета: отучись год на этом... непрогнозируемом. Будешь пайнкой, сдашь их мудрёные зачёты, а следующим летом подашь прошение о переводе. Тебе, как студентке Академии, руководство точно пойдёт навстречу. Внутренние переводы всегда одобряют охотнее, поверь старому пекарю. А биться головой о стену или двери... Это все студенты на сессии делают.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что не продержусь среди этих заумников и недели, но тут в разговор активно включилась мама. Она аккуратно поправила полотенце и заговорщически улыбнулась:

– И вообще, Агаточка, папа прав. Даже если учиться там окажется сложно, посмотри на ситуацию с другой стороны. Ты только представь, сколько там хороших, умных мальчиков! Хоть познакомись с кем-нибудь приличным.

Я обречённо закатила глаза, уткнувшись взглядом в потолок.

– Мама, пожалуйста, только не это!

– А что «не это»? – не унималась она. – Ты на нашу округу посмотри! Либо хулиганы с соседней улицы, у которых только драки на уме, либо те, у кого за душой ни гроша, зато гонору на целый замок. А те, кто побогаче, такие заносчивые снобы! А если кто-то нормальный найдётся, так они тебе не нравятся!

При слове «заносчивый сноб» перед глазами с пугающей чёткостью всплыло надменное лицо Эммета Грейвса. Вот уж кто был королём снобизма и эталоном высокомерия! Подумать только, обвинить меня в том, что я девушка!

– Мама, ты вообще не понимаешь, о чём говоришь, – буркнула я, пытаюсь защищаться. – ФТАНКЕ нормальные люди не учатся. Все девчонки, которые приходят за мужьями, его за три километра обходят! Они бегут к стихийникам или на международную магическую дипломатию. В крайнем случае к некромантам или артефакторам. На ФТАНКЕ ловить абсолютно нечего, это всем известно!

– Вот! – Мама торжествующе улыбнулась, и в её глазах зажглись опасные искры профессиональной свахи. – Это же просто золотая жила, глупая ты девчонка! Раз эти хищницы обходят факультет стороной, значит, там все приличные, умные и верные мальчики ещё свободны! Никакой конкуренции!

– Мама! Какие мальчики?! Там сплошные хилые ботаники, которые простую дверь открыть не в состоянии, пока интеграл на ручке не почешут!

Я сердито выдохнула и хотела продолжить, но в памяти снова всплыл пресветлый образ Эммета Грейвса. И картинка получилась гадски честной. Если отбросить его отвратительный характер, то художочным этого дракона назвать было никак нельзя. Высокий, широкоплечий, с породистым лицом и мощной энергетикой, которая чувствовалась даже тогда, когда он не применял силу. Но ботаник. Определённо! Стопроцентный, невыносимый заумник в кубе! И сноб! Девушки ему не угодили, понимаешь ли!

Я на секунду зависла, неосознанно прикусив губу и глядя куда-то сквозь кухонную стену.

Мама, которая знала меня слишком хорошо, тут же уловила эту короткую паузу. Она замерла, а потом хитро прищурилась и мягко протянула:

– О-о-о... Агаточка. А мне кажется, ты там уже с кем-то познакомилась. И этот кто-то явно показался тебе весьма интересным.

– Что?! Да ничего подобного! – горячо выкрикнула я, чувствуя, как щёки начинают припекать. От возмущения! Определённо от возмущения! – Я ни с кем не знакомилась! Только врезалась в одного сумасшедшего типа, который обвинил меня в том, что я девушка! Всё, больше ничего не было!

Мама лишь понимающе хмыкнула, переглянувшись с улыбающимся отцом. На их лицах было такое абсолютное родительское удовлетворение, что захотелось взвыть.

Я бессильно рыкнула, вырвалась из маминых рук и поднялась из-за стола. Никакого понимания в этом доме! Похоже, родители уже мысленно видели меня дипломированным специалистом по пустоте с очкастым заумником-мужем в окружении тихих интеллигентных детей, которые решают интегралы, сидя на горшках.

– Всё, спасибо, мне легче, – буркнула я уже на выходе. – Я спать. Завтра вставать в какую-то несусветную рань. И отпустят самое раннее через неделю.

В коридоре я подхватила на руки Мякиша, который собирался куда-то слинять по своим кошачьим делам, но был вынуждено назначен всепонимающим слушателем моих бед.

– Ну и ладно, – решительно буркнула я в белую шерсть, направляясь к себе в комнату. – Сама разберусь. Провалю всё, что только можно провалить. Завтра же утром этот ядовитый ботаник Эммет Грейвс и безумный декан Бенедикт Бланк сами укажут мне на дверь!

Глава 5

Воздух в семь утра был холодным и сырым. Я стояла у огромных кованых ворот Академии Восточного Ветра, зябко кутаясь в лёгкую кофту и покрепче прижимая к себе любимую сумку. Ворота в такую рань, естественно, были закрыты.

Постепенно к тяжёлым железным створкам начал подтягиваться вчерашний парад заумников. Разумеется, изрядно поредевший. Всего набралось пятнадцать человек, вместе со мной, из почти двух сотен, которые заходили вчера на экзамен. Бледные, взъерошенные ботаники с синяками под глазами сбивались в кучки по трое-четверо, испуганно озирались и шептались о таинственной «адаптации». Я ненавязчиво сделала шаг к одной из групп, наострив уши.

– ...очень сложные, – загробным голосом вещал парень в помятой рубашке. – Мне старшекурсники рассказывали. Чтобы получить подушку, нужно решить пространственную теорему, иначе придётся спать так! А если захочешь пить, придётся доказать, что вода в кране – это оптический обман, иначе она превратится в лёд, что может привести к разрыву трубы! А это, сами понимаете, порча имущества академии.

Я не выдержала и громко фыркнула. Что за чушь? Большого бреда в жизни не слышала! Если бы магия так работала, мир бы погряз в хаосе. Да её бы вообще запретили! В конце концов, у меня самой была толика бытового дара, и я прекрасно знала, что никаких пространственных задач для призвания подушки решать не надо. Должно просто хватить сил на то, чтобы притянуть к себе предмет.

Ботаники испуганно обернулись на мой фырк, но развить конфликт не успели. По дорожке со стороны студенческого городка неспешно шёл Эммет Грейвс.

Сегодня он выглядел куда более презентабельно, чем вчера: мука и шоколадный соус исчезли без следа, синий пиджак был идеально отутюжен, а на переносице снова красовались очки в тонкой металлической оправе с перламутровыми стёклами. То ли идеально выправленные, то ли новые. Причём Грейвс шёл с таким видом, словно вся эта академия, включая ворота и утренний туман, принадлежала лично ему.

Стоило куратору по адаптации приблизиться, как тяжёлые кованые створки с тихим скрипом сами распахнулись. Парень махнул нам рукой, и стайка поступивших, включая меня, послушно поплелась следом за ним, как выводок утят за мамой-уткой.

Мы брели по извилистым дорожкам парка и внимали тому, что наш новоиспечённый куратор по адаптации вещал ровным голосом:

– Слушайте внимательно, элементы хаоса. Мы направляемся к главной башне нашего факультета. Архитектурная структура ФТАНКЕ обладает плавающей сингулярной матрицей. Она физически материализуется в пространстве только тогда, когда о ней одновременно думает не менее трёх человек, находящихся снаружи.

Я сбилась с шага, решив, что он так изощрённо шутит, и ожидая, когда он или кто-то из ботаников засмеётся. Но ни одного смешка не раздалось. Пришлось тоже подавить рвущееся наружу фыркание, чтобы не злить вдохновенно внимающих заумников.

– Впрочем, – продолжил Эммет, поправляя дужку очков, – поскольку сейчас вас здесь целых пятнадцать единиц, и ваш суммарный уровень тревожности зашкаливает, вероятность отсутствия башни на месте стремится к нулю. Можете не беспокоиться, мы застанем её в этой реальности.

Я мысленно покрутила пальцем у виска, но когда мы обогнули раскидистый дуб, моя уверенность несколько пошатнулась. Прямо посреди поляны стояла высокая, закрученная по спирали башня из тёмного камня, контуры которой слегка вибрировали и расплывались в воздухе, словно мираж в пустыне. Вчера я мимо этого места не проходила, но на территории ака-

демии раньше бывала. Так вот! На этом месте точно ничего не было! Впрочем, это могла быть просто наложенная иллюзия невидимости. Это же была она, да?

Мы зашли внутрь, и едва тяжёлая дверь захлопнулась за нашими спинами со зловещим щелчком, у меня внутри всё окончательно опустилось. Позади остался нормальный мир с кофе и булочками с корицей, впереди простирался узаконенная Министерством магического образования пыточная для мозгов.

Атмосфера в холле башни была такой, словно архитектор перед постройкой долго читал учебник по высшей магоматике, запивая горе дешёвым элем. Потолок казался пугающе далёким, а пол под ногами... слегка шевелился, подстраиваясь под шаг. На стенах вместо привычных ламп находились зависшие в воздухе светящиеся кубики, которые тускнели, если на них пристально смотрели, и разгорались ярче, стоило отвести взгляд. Это нервировало. Наверное, потому, что в какой-то момент вся наша группа усталилась на эти кубики, и мы оказались в абсолютной темноте. А я, вообще-то, темноты бою... очень не люблю!

– Добро пожаловать в обитель чистой мысли, – бесстрастно объявил Эммет, даже не обернувшись на наши приглушённые вздохи. – Сразу предупреждаю: держитесь строго за мной. Пространственная геометрия башни нестабильна.

Толпа ботаников испуганно сбилась в кучку за Эмметом. Я тоже постаралась придвинуться к нему поближе и непроизвольно сжала лямку сумки так, что даже рука заболела.

Мы подошли к широкой винтовой лестнице. На первый взгляд в ней не было ничего необычного, но Эммет остановился и поднял руку, призывая к тишине.

– Первый урок адаптации, первокурсники. Обратите внимание на марш ступеней. Архитектурная матрица здесь завязана на закон исключённого третьего. Если по лестнице поднимается чётное число студентов, количество ступеней на пролёт фиксируется на отметке сорок два. Если нечётное – лестница уходит в бесконечную рекурсию, и вы будете идти вверх, пока не сотрёте ноги до колен. Группа, быстро пересчитались по головам!

– Нас пятнадцать! Пятнадцать! – пискнул кто-то в задних рядах. – Это нечётное число! Мы все умрём на этой лестнице!

– Неверно, – ледяным тоном осадил его Грейвс. – Я – шестнадцатый. Моя масса и ментальный контур компенсируют вашу нечётность. Шагаем парами, строго след в след. И не дай сингулярность кому-то в процессе придет в голову мысль разделиться.

Мы двинулись вверх, затаив дыхание. Ступеньки под ногами издавали странные звуки, словно сами пересчитывали наши шаги. Впрочем, ничего страшного больше не произошло. И оказавшись в коридоре второго этажа, я решила, что Грейвс нас просто разыгрывает, в душе посмеиваясь над доверчивыми дурачками.

Но уверенность моя быстро разбилась об... отражение в зеркале. Мы как раз проходили мимо одного – огромного, в тяжёлой бронзовой раме. Я непроизвольно повернула голову, чтобы посмотреть, как там поживает моя шишка, и... закричала.

В зеркале никого не было. Пустая рама отражала лишь противоположную голую стену.

– Эм... Эм... Эммет! – позвала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки размером с Мякиша. – А где моё... ну, всё? Я что, умерла вчера, когда меня дверью ударило? И теперь брожу неприкаянным призраком?

Эммет остановился, медленно повернулся и посмотрел через тонкие стёкла с таким выражением, будто я спросила, почему два плюс два – четыре.

– Мисс Кингсли, не стоит прилюдно демонстрировать ваше тотальное невежество. Все и так понимают, что вы тут случайно или по прихоти архимага Бланка, что по большому счёту одно и то же, – сухо произнёс он, но всё же пояснил: – Это зеркала с хроно-динамической задержкой вектора. Временное смещение составляет ровно минуту. Декан считает, что самолюбование в режиме реального времени – это пустая трата ментальной энергии. Хотите увидеть своё лицо? Подождите минуту, пока отражение догонит реальность.

Я сглотнула и послушно пошла дальше. Но через пару десятков шагов не выдержала и обернулась назад, бросив взгляд на зеркало.

Из глубины стекла на меня смотрела... я сама. Минутной давности. Отражение с перепуганным лицом судорожно ощупывало свои плечи и проверяло, на месте ли голова, дёргало каштановые пряди и беззвучно ойкало. Со стороны это выглядело настолько глупо, что захотелось провалиться сквозь землю. Прошное «я» из зеркала позорно тупило, пока настоящее «я» шло дальше по коридору, погружаясь в пучины уныния.

«Мамочки, – тоскливо подумала я. – Если тут даже зеркала находятся в своём временном режиме, то как здесь вообще люди выживают? Как они, например, суп варят? Забрасываешь картошку, а она варится пять минут назад или через неделю в четверг?»

По мере продвижения по башне градус бреда только рос. Мы прошли мимо огромного стрельчатого окна, за которым вместо утреннего тумана почему-то вовсю бушевала ночная гроза с молниями, и гнулись деревья. На мой вопрос Эммет лишь мельком бросил, что это «окно прогноза на послезавтра, матрицу слегка закоротило из-за влажности». Ботаники только презрительно захмыкали, намекая, что спросила я глупость.

Я стерпела. Но приотстала, чтобы успокоиться и не нанести никому травму, несовместимую с жизнью. Поэтому подошла к блоку, где размещалось общежитие, значительно позже остальных (да, успокаиваться пришлось долго!) и застала картину, которая нанесла очередной сокрушительный удар по моей уязвимой психике пекаря. Из дверей туалета выскочил один из заумников, лицо которого светилось таким восторгом, будто он только что открыл новый континент.

– Я сделал это! – закричал он на весь коридор, победно потрясая зажатым в руке исписанным листком, подозрительно похожим на... – Я решил дифференциальное уравнение на перфорации! Заклинание сработало, и рулон позволил мне оторвать квадратик туалетной бумаги!

Я застонала и закатила глаза так сильно, что едва не увидела собственный затылок. Вот из этих экземпляров мама предлагала мне выбирать приличного парня? Из тех, кто радуется тому, что кусок туалетной бумаги оторвал?! Заберите меня из этого сумасшедшего дома!

К несчастью, моё бурное выражение чувств не осталось незамеченным. Парни тут же оскорблённо уставились на меня.

– Чего это ты глаза закатываешь? – обиженно буркнул ботаник, только что победивший рулон. – Мы ещё посмотрим, как ты справишься с концептуальными ограничениями нашей сантехники! Или ты не будешь посещать уборную?

Я лишь снисходительно усмехнулась. Спокойно запустила руку в свою бездонную холщовую сумку и выудила оттуда пачку бумажных салфеток, которой победно помахала в воздухе.

– Так нечестно! – обиженно заявил сильно скисший ботаник. – Это нарушение правил проживания.

Я с надеждой уставилась на Эммета, который стоял и смотрел на нас с таким мученическим выражением на лице, что я даже на секунду ему посочувствовала. И тут же постаралась облегчить его участь.

– Скажи мне, Грейвс, – заговорщически прошептала я, подавшись вперёд. – Этого ведь достаточно? Ну того, что я злобно нарушаю правила и пользуюсь обычными вещами? Меня можно за это отчислить прямо сейчас? Скажи, что ты выставишь меня за ворота.

Эммет тяжело вздохнул и потёр виски, словно у него разболелась голова.

– К моему глубочайшему сожалению, мисс Кингсли, нет, – процедил он. – Местная бытовая среда организована таким образом, чтобы дополнительно стимулировать ваши когнитивные способности через постоянное столкновение с парадоксами и прочими логическими и алогическими структурами. Избегание этих трудностей с помощью материальных заменителей доказывает лишь вашу крайнюю интеллектуальную лень, но не является поводом для официального отчисления.

Я разочарованно сдула упавшую на глаза прядь волос. Какая жалость.

– Не расстраивайтесь так сильно, – ядовито добавил старшекурсник, заметив мою кислую мину. – Когда в сентябре начнутся лекции по трансцендентальной апористике, ваш абсолютный дефицит ментальной глубины приведёт к естественному финалу. Вы с треском провалите первый же экзамен и вылетите отсюда по результатам академической неуспеваемости.

Я тоскливо вздохнула и убрала салфетки обратно. Ждать до сентября, а то и зимней сессии не хотелось. Мне нужно было избавиться от этого непроизносимого факультета как можно скорее, чтобы не сойти с ума.

– Что ж, продолжим нашу экскурсию, – сухо скомандовал Эммет, разворачиваясь. – Впереди нас ждёт учебный блок. На ручках дверей, уже знакомым вам образом, выведены формулы, и чтобы попасть в кабинет...

Глава 6

Дальнейшая экскурсия по башне превратилась для меня в изощрённую пытку. Я уныло тащила за кучкой заумников, чувствуя, как от непонятных слов начинает раскалываться голова. Шишка на лбу тоже болезненно пульсировала.

До ушей долетали лишь отдельные, совершенно безумные обрывки фраз.

– ...дивергенция метафизического пространства в условиях лекционных аудиторий... – вещал впереди Эммет.

– А если косинус угла падения ментальной энергии превысит критическую норму? – благоговейно уточнял какой-то ботаник.

– Тогда вас переведёт в мнимую плоскость, мистер Пратт, – любезно пояснял Грейвс. – И следующие несколько часов вы проведёте в виде квадратного корня из минус единицы, пока декан или кто-то из преподавателей не соизволят извлечь вас обратно.

«Пресвятые печенюшки, за что мне это? – тоскливо подумала я, потирая виски. – Да у них тут даже воздух, кажется, пропитан формулами. Может, поэтому мне так плохо?»

В какой-то момент группа зашла в аудиторию, которую тот самый Пратт открывал минут семь, решая зубодробительную задачу и дважды получив по лбу. Бурное обсуждение «вероятностного распределения парт в кабинете нуменальной геометрии» затихло за дверью, а я так и осталась стоять у окна, пытаясь рассмотреть знакомые очертания зданий академии за белой пеленой, но туман оказался столь непроглядным, что за ним даже неба видно не было. Хотя он давно должен был рассеяться!

Насмотревшись на белое ничто, я хотела присоединиться к группе, но, когда рука легла на дверную ручку, внезапно поняла, что формулу мне не решить. Получать дверью по лбу не хотелось (шишка согласно заныла), а масло я сегодня с собой не взяла.

«Ну и к Хаосу их, – решительно подумала я. – Пойду-ка я домой. Папа как раз должен был поставить в печь партию багетов. Возьму чесночное масло с зеленью, намажу ещё горячий кусочек, м-м-м...»

Обратный путь нашёлся на удивление легко. Я быстро дошла до винтовой лестницы и уверенно ступила на верхнюю ступеньку. Один шаг, второй, третий...

Минут через пять я заподозрила неладное. Лестница всё не заканчивалась. Мы точно поднимались всего на второй этаж, но сейчас под моими ногами промелькнуло уже никак не меньше пары сотен ступеней.

Я ускорила шаг. Ступеньки мелькали, но не заканчивались, перила зловеще закручивались в бесконечную спираль, а проклятый холл первого этажа даже не думал показываться внизу. Сердце испуганно забило в груди. Я сорвалась на бег, перепрыгивая через две ступени, но всё было без толку.

– Да чтоб вас всех разорвало с вашей архитектурой! – в сердцах рявкнула я и резко остановилась.

В памяти всплыли утренние слова Эммета: «Если по лестнице поднимается нечётное число студентов, она уходит в бесконечную рекурсию...»

Осознание масштабов катастрофы не заставило себя ждать. Прямо сейчас тут спускался один-единственный человек. Я! А единица – это самое нечётное число в мире! Вот же зараза!

Обречённо вздохнув, я бессильно опустилась прямо на холодную металлическую ступеньку и привалилась плечом к такой же холодной каменной стене. Внутри было не менее холодно и невероятно пусто. Идеально, чтобы погрузиться в глубокое уныние.

«Вот так и умру, – тоскливо подумала я, глядя на свои ободранные ладони. – В этой проклятой Хаосом башне. Голодная, холодная и в полном одиночестве. Мама с папой так и не узнаю, как глупо я попалась...»

Сверху раздались шаги. Чёткие и такие уверенные, что я даже воодушевилась. На несколько секунд. Пока не увидела, что это Эммет Грейвс. Свет падал так, что глаз старшекурсника было не рассмотреть, но даже тонкая металлическая оправа его очков насмешливо поблёскивала. Наверное, я, действительно выглядела жалко и глупо.

Он остановился на две ступени выше и посмотрел сверху вниз с этой своей миной превосходства.

– И как тебе удалось спуститься одному? – буркнула я, отворачиваясь и снова приваливаясь к стене. – Ты же сам говорил про нечётное число.

– Ты же уже находишься на лестнице, – ответил он невозмутимо. – Соответственно, наш суммарный вектор составил число два. Чётное число два, – пояснил он, словно я могла не догадаться, что два – это чётное число. Захотелось ударить его сковородой. Или заставить месить тесто. Возможно треснуть грязной от соуса ложкой. – Матрица стабилизировалась. Впрочем... лично я способен спускаться по этой лестнице и в абсолютном одиночестве. Мой ментальный статус позволяет игнорировать базовые ограничения первого уровня.

Я только глубоко вздохнула, продолжая тосковать. Общаться с этим ментально неограниченным типом не было никакого желания. Хотя в итоге всё-таки задала вопрос, получить ответ на который хотелось больше, чем выразить своё недовольство.

– Слушай, Грейвс, – тихо позвала я, поворачивая к нему голову. – А ты можешь хоть раз объяснить по-человечески, без этих векторов и сингулярностей, что здесь вообще происходит? Ну какая магия может быть в туалетной бумаге или ступеньках? Нормальная магия – это ведь совсем другое. Это когда стихийники швыряются огненными шарами, целители залечивают раны, артефакторы создают светящиеся штучки, другие маги фамильяров, там, приручают. Это всё понятно, всё просто. А у вас тут какое-то форменное издевательство над нормальными людьми.

Эммет молчал несколько секунд. А затем... сел на ступеньку чуть выше и наискосок от меня, сохранив, впрочем, весьма приличную дистанцию.

Глава 7

– То, что ты перечислила, – это обычное манипулирование внешней энергией, – на удивление спокойным голосом заговорил Грейвс. – Магический дар – это просто врождённый энергетический канал, который качает силу из пространства. Мы же здесь работаем по совершенно другим принципам. И изучаем не силу и вместимость этого канала, а структуру самой реальности. Её законы и парадоксы.

Он вытянул руку вперёд и сделал вид, что берёт двумя пальцами светящийся куб, висящий в воздухе пролётом ниже. Из-за расстояния тот казался маленьким, размером с игральную кость, хотя вблизи был бы, наверное, с кулак. Эммет сделал лёгкое щипковое движение, будто брал... и куб действительно оказался зажат между его пальцами. Его не притянуло левитацией, он не летел через весь пролёт, просто... просто... Грейвс словно сунул руку через пространство и поменял перспективу. Настоящий, осязаемый источник света теперь послушно замер над его ладонью, так и оставшись размером с игральную кость.

Не может быть!

Я даже глаза потёрла. Потом потрогала пальцем весьма ощутимую штуковину, стараясь не дотрагиваться до сидящего рядом старшекурсника, и выдохнула потрясённое «О-о-о...»

Грейвс же снова сжал пальцы и проделал всё в обратном порядке, возвращая куб на его законное место.

– Освоив наши техники, магом может стать даже человек, абсолютно не имеющий врождённого дара, – продолжил Эммет. – Мы не создаём огонь из ничего. Мы просто берём определённую точку пространства и математически доказываем реальности, что концепция холода в данной координате логически невозможна. И реальности ничего не остаётся, кроме как подчиниться и выделить тепло. Понимаешь?

Я искренне, по-настоящему удивилась. Глаза округлились сами собой, а изо рта вырвалось ещё одно протяжное «О-о-о». Даже обиды забылись, и отступила головная боль.

– То есть... можно заставить дверь исчезнуть, просто... переупрямив саму реальность?

– Если разум достаточно дисциплинирован и очищен от материальных догм – да, – Эммет повернулся и улыбнулся, застав меня этой улыбкой врасплох. Я даже как-то растерялась на пару секунд. – Ну что? Наш подход всё ещё кажется тебе бредом?

– Даже если не кажется... – Я вздохнула, возвращаясь к суровой действительности. – Мне тут всё равно не место. Я не хочу ничего доказывать реальности. Я хочу печь хлеб. В идеале магически улучшенный хлеб. И готовить разные вкусные блюда. Мой разум дисциплинирован только в отношении пропорций ингредиентов в рецептах, а не в получении дверью по лбу за неправильно решённый пример, половину знаков в котором, я не понимаю.

Я развернулась к старшекурснику и даже подалась вперёд, ловя его взгляд, через стёкла очков.

– Слушай, Грейвс! Ты же можешь быть нормальным, вот как сейчас. И ты ведь сам не хочешь, чтобы я тут училась. Так давай объединим усилия? Помоги мне вылететь отсюда на этой вашей адаптации. Подскажи, что нужно завалить?

Но стоило мне податься в его сторону, как Эммет резко, почти испуганно отшатнулся. Его плечи мгновенно окаменели, спина выпрямилась, а за тонкими стёклами очков снова помережились вертикальные линии зрачков. Он шумно сглотнул и усиленно задышал, словно ему внезапно перестало хватать воздуха. А затем его лицо вновь превратилось в маску высокомерия.

– Исключено, – отрезал он, и его голос снова стал сухим и колючим. – Я не собираюсь оказывать тебе содействие. Более того, я намерен свести наше общение к абсолютному минимуму и контактировать только в экстренных случаях, предписанных кураторскими обязанно-

стями. Вот как застревание в бесконечной рекурсии. И рассчитываю, что ты тоже будешь держаться от меня как можно дальше.

Моё дружелюбие испарилось в ту же секунду. Нет, ну надо же! Разговаривать он со мной не хочет! Слишком глупая, видимо! Злость оказалась такой сильной, что будь она огнём в печи, то от стоящих внутри булочек в секунду остались бы одни угольки. А лучше б от Грейвса!

– Ах вот как? – ядовито спросила я, поднимаясь со ступеньки. – То есть твой великий ментальный статус позволяет игнорировать не только ограничения первого уровня, а ещё и элементарную человеческую вежливость? Знаешь что, Грейвс? Да пошёл ты!

Я развернулась и решительно отправилась вниз по лестнице, чеканя каждый шаг. В конце концов, нас тут было двое, значит, скоро должен был показаться холл. А если нет... То хотя бы удалюсь от этого... этого... подальше!

– Обида – это математически бессмысленная трата эмоционального ресурса! – долетел сзади голос Эммета. – И вообще! Дело вовсе не в тебе. Дело во мне.

Я остановилась, повернулась и крикнула, задрав голову вверх:

– Ну спасибо за утешение! Ты всем девушкам эту фразу говоришь, когда их бросаешь? Классика!

Спустя десяток секунд, во время которых Грейвс осмысливал претензию, сверху донёсся искренне возмущённый голос:

– Я тебя не бросаю!

Я не выдержала и засмеялась от того, как глупо он попался. Эммет, сообразив, как двусмысленно это прозвучало, моментально поправился:

– То есть... мы, вообще-то, не вместе, чтобы я тебя бросал! Что за дикое нарушение причинно-следственных связей?!

– Да в мусорку твою логику! – огрызнулась я, слетая по оставшимся ступеням.

А выйдя в холл, замерла и с надеждой обернулась назад.

«Хоть бы его сейчас зациклило, хоть бы его засосало в эту бесконечную нечётную рекурсию!» – загадала я.

Но Эммет Грейвс совершенно спокойно преодолел ограничения первого порядка и буднично сошёл с последней ступеньки. Заметив моё тоскливое разочарование, он лишь раздражающе приподнял одну бровь.

Я сердито фыркнула и едва удержалась, чтобы не топнуть ногой. С меня хватит! Пора домой!

С этой мыслью я развернулась и направ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.